

УДК 821.512.37:82-13

ПОЭТИКА «СКАЗАНИЯ О ТОМ, КАК ПАДУН ВЛЮБИЛСЯ В АНГАРУ» МИХАИЛА ХАНИНОВА

© Ханинова Римма Михайловна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы,
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова»
Россия, 358000 г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11;
старший научный сотрудник отдела монгольской филологии
ФГБУН «Калмыцкий научный центр РАН»
Россия, 358000 г. Элиста, ул. Илишкина, д. 8
E-mail: rhaninova@mail.ru

В статье исследуется поэтика поэмы калмыцкого поэта Михаила Ханинова «Сказание о том, как Падун влюбился в Ангару» (1970–1979), рассмотренная в аспекте синтеза фольклорных и индустриальных мотивов. Сюжет бурятской легенды о любви рек Ангары и Енисея трансформирован в поэме как авторский сюжет о неразделенной любви Падун-камня к Ангаре. Включение современности в текст обусловлено темой строительства ГЭС на реках Южной Сибири, стремлением Ангары вместе с Енисеем служить людям, путешествием автора в Тюменскую область в 1970 году. «Сказание...» состоит из двух частей, структурированных в основном катренами. Калмыцкий компонент произведения ориентирован на национальную систему версификации, художественно-образительные средства: анафора (парная), аллитерация, ассонанс, эпитет, метафора, рифма (мужская), рифмовка (перекрестная), олицетворение.

Ключевые слова: легенда; сказание; поэма; Ангара; Енисей; Падун-камень; Байкал; Михаил Ханинов.

Бурятская тема отразилась в творчестве калмыцкого писателя Михаила Ванькаевича Ханинова (1919–1981) стихами, поэмой [13, с. 61–73, 258–264], переводами бурятских поэтов [8, с. 3; 1, с. 3; 7, с. 101–102; 103–105], рядом статей.

Первое обращение к этой теме связано с декадой бурятского искусства и литературы в Москве в 1959 году, когда, будучи директором Калмыцкого госдрамтеатра, Ханинов-зритель выразил свои впечатления в статьях «Искусство братского народа» в «Советской Калмыкии» [12, с. 3] и «Спасибо братскому народу» в «Правде Бурятии» [14, с. 3]. Так, он отметил: «Наряду с оперными представлениями удачно выступала балетная группа. Балеты “Красавица Ангара” Л. Книппера и Б. Ямпилова и “Во имя любви” Ж. Батуева и Б. Майзель отличаются народностью, лиризмом, эмоциональной насыщенностью. Талантливая актриса Лариса Сахьянова любовно раскрыла образы героинь в двух балетах» [12, с. 3]. Тогда же появились его стихотворения «Балерине Бурятии», с посвящением Ларисе Сахьяновой [Ханинов 1959а: 3], и «Золотые бурятские песни» [11, с. 3], переведенные К. Алтайским.

В поэзии М. Ханинова среди поэм на фольклорные сюжеты разных народов и стран есть «Сказание о том, как Падун влюбился в Ангару» («Падун Ангарад дурлна туск тууж»), написанное в 1970–1979 годах после поездки в Сибирь в 1970 году в составе писательской делегации. «Сказание...» вошло в авторскую книгу «Баһ насн, ханжанав» («Благодарю тебя, молодость», 1981). На русский

язык поэма была переведена Ириной Волобуевой и опубликована в московском сборнике поэта «Орлица» (1981).

Произведение насчитывает 300 стихотворных строк, в основном катрены, за исключением двух восьмистиший. В русском переводе — 166 строк: 24 катрена и 14 квинтетов. Рамка поэмы включает место написания и датировку: «Братск — Усть-Илимск — Элст, 1970–1979 жж.» (Братск — Усть-Илимск — Элиста, 1970–1979 гг.).

В основе произведения — бурятская легенда о реках Ангаре, Енисее и озере Байкал, творчески трансформированная калмыцким поэтом. Влюбившись в Енисея, вырвалась из отцовского плена Ангара, побежала ему навстречу. Старый Байкал, пытаясь остановить непослушную дочь, бросал вслед ей скалы и камни. Один из них, самый большой, получил потом название Шаман-камень. Но Ангара успела соединиться с Енисеем и потекла с ним в Карское море, в Северный Ледовитый океан. Калмыцкий поэт в своем сюжете воспел еще безответную любовь Падуна-камня к красавице Ангаре. Среди девяти ангарских порогов ниже Братска на протяжении трехсот километров были также Падунский и Шаманский пороги. Падунский порог, самый высокий и мощный, был затоплен после строительства Братской ГЭС в 1969 году.

В хониновском сказании нет ни легендарных братьев Ангары, ни жениха Иркуты, а главными героями наряду с Ангарой, Байкалом и Енисеем стали два ангарских берега и Падун-камень, преградивший путь течению Ангары. Поэма начинается с описания берегов-соперников, влюбленных в Ангару. «Һолын хойр эрг / һалзу хойр бухшц, / холас ташалдад зогсна, / хооран һаршгоһар бээнэ» [15, с. 61]. В русском переводе: «Два берега встали, уставясь друг в друга, / Как два разъяренных враждою быка. / Меж ними, вскипая волною упругой, / Текла Ангара — голубая река» [13, с. 258].

В оригинале Ангара призывает синеглазого Енисея, бегущего без устали, соединить свои сердца, чтобы быть счастливыми в России: «Көк нүдтэ Енисей, / көшлго гүүдг Енисей. / Хойр зүркэн негдүлий, / ханьцад Өрэсэд жирһий» [Хоньна М., 1981, с. 62]. В переводе вместо прямой речи констатация давней любви Ангары к Енисею: «Раздольем своим и сверканьем прекрасна, / Веселую песню все пела она / О Свет Енисеиче, о синеглазом, / В которого с давней поры влюблена» [13, с. 258].

Если у калмыцкого поэта в поэме река обозначена как Енисей, в одном случае Енисеевич, то у русского переводчика — это Свет Енисеич и Енисеич («Чтоб путь продолжать к Енисеичу ей»). В народе эту реку называют Енисей-батюшка, так этот водный ресурс представлен в фольклоре и русской литературе. Гидроним Енисей, по мнению большинства исследователей, свое имя получил от тунгусского Иоандези «большая река», на современном ненецком языке означает «река с прямыми, ровными берегами» [2, с. 294, 301]. Согласно Бурыкину, название реки Ангары является по происхождению эвенкийским [2, с. 302]. Байкал — по-бурятски называют Байгал-далай, по-монгольски «дала» означает океан, великий, тем самым подчеркиваются величина озера и его сакральность. Согласно бурятскому преданию, в месте тектонического разлома появился огонь, который испуганные люди пытались остановить с помощью слов «Бай, галл!» — «Остановись, огонь!».

В «Сказании...» калмыцкого автора драматизм любовной истории связан с двумя берегами-соперниками и камнем Падуном, которому Ангара не ответила взаимностью, она все поет о своей любви к Енисею. «Ангара Падуна дуриг / анхртан авчahn уга. / Өрчэсн харсн дууг / өргэд Ангара дуулна» [15, с. 69]. В русском переводе: «От сильной любви он совсем занемог, / Все ждал, что река ему скажет в ответ. / Но сердцем ее завладеть он не смог, / Хоть преданным был Ангаре сотни лет. // К могучести, к чувству его холодна, / Текла Ангара все быстрее, все резвей. / И от Падуна не таила она, / Кто мил сибирячке-красавице ей. // “Прости мне, Падун, / не тебя я люблю, / Не мучься напрасно и знай наперед, / Навечно я преданна богатырю, / Идущему в смелый, великий поход”» [13, с. 261-262].

У калмыцкого поэта древняя легенда сопряжена с современностью. Ангара не просто полюбила Енисея, подобного солнцу, дающему свет людям, она мечтает с ним быть полезной людям, отдавая свою энергию, поэтому и убежала из Байкала, в чем признается Падуно. «Гегэн Енисеевич гиһэд / һанһад модд гекнэ. / Олһэмтн түшэд / олз үүнэс үзнэ. // Тенгрин нарһиһц тер / тенкэн уга нилчтэ. / Эрүн түүнэ чидлэр / эмтн герлэн кенэ. // Түүтэ хамдан көдлхэр / тегэд Байкалас һарлав. / Унтад кевтсн һазрар / үүрэн хээһэд ирлэв...» [13, с. 70]. В русском переводе: «То Свет Енисеич. Все знают о нем. / Своею энергией людям служить / Готов он. / Ведь солнце бывает лишь днем, / А он будет вечно и греть и светить. // Лишь с ним разделить я мечтаю судьбу, / Чтоб людям быть так же полезной, как он. / Отдать всю энергию волн» [13, с. 262].

Характерно, что Падун не в силах понять такую мечту любимой реки. Попытки Падуна завлечь Ангара пением леса, травы и цветов, ветров были напрасны. Светят по берегам реки города, а посередине течения реки стоит по-прежнему Падун. «Буурл һолын амнд / балһсд герлэр асна. / Дольгн дольгад дунд / дүүвр Падун зогсна. // Ангарад седсн дуран / альк чигн насндан, / элэд эс унтлан / эн мартхн уга» [15, с. 73]. В русском переводе: «И думал Падун: “Видно, нету пути / Мне к сердцу реки. Ее бег не унять”. / Хотел было с горя на сушу уйти, / Да так и остался на месте стоять. // Мол, видно, такая судьба у меня: / Всю жизнь любоваться любимой своей / И быть одиноким... / Тоску затая, / Глядит он на звезды прибрежных огней. / Ему к Ангаре, что резва и светла, / Любви своей горькой навек не избыть» [13, с. 263-264].

Название Падун-камня происходит от глагола «падать»; «водопад», «порог», «крутой пережат на реке» — так в Сибири обозначают слово «падун». Свое название Падунский порог получил от русских землепроходцев еще в XVII веке.

Калмыцкий поэт подчеркнул, что вскоре пришли на берега Ангара отважные люди с машинами и тракторами, разбудив реку от вечного сна. «Зуг зерһсн эргсиг / зөрмг улс ирэд, / маши, трактор көдлгэд / мөнк нөөрэснь һаһцулв» [15, с. 66]. Теперь на оживших берегах раздается радостная песня людей, достояние будущего — электричество Ильичево светит: «Эмлсн эрг деер / эмтнэ дун жирһнэ. / Иргч цагин зөөр — / Ильичин электричеств асна» [15, с. 67].

Таким образом, индустриальный мотив (создание гидроэлектростанций на реках Енисей и Ангара) акцентирует характерный для советской поэзии мотив освоения природы человеком. Поэма Евгения Евтушенко так и называлась «Братская ГЭС» (1965) с указанием мест написания: Братск — Усть-Илим — Суханово — Сенеж — Братск — Москва [Евтушенко 2000]. Но в ней нет обращения к легендам об Ангаре и Енисее. Нет таких легенд и у Александра Твардов-

ского в поэме «За далью — даль» (1950–1960) с описанием строительства ГЭС на Ангаре [6]. Падунскому порогу адресованы два стихотворения Твардовского: «Порог Падун» (1957) и «Разговор с Падун» (1958). Образ мощного Падун-порога, невысокого и широкого, трубящего в «допотопный грозный рог», но затем ушедшего под воду при строительстве Братской ГЭС в первом стихотворении: «На глубине утих порог, / Умолк его могучий рог / Навек. И часть красы земной / Ушла, чтоб место дать иной...» [5, с. 311]. Такой ценой заплачено за создание Братского моря, сетует автор. Но в то же время во втором стихотворении, говоря о том, что «За эту стройку для веков / Тобой заплатим, брат, / Твоею пенной сединой, / Величьем диких гор», поэт выражает веру в том, что «придет иная красота / На эти берега. / Но, видно, людям та́ и та́ / Нужна и дорога. // Затем и я из слов простых / И откровенных дум / Слагаю мой прощальный стих / Тебе, старик Падун» [5, с. 320-321].

Калмыцкий поэт побывал в 1970 году на Братской, Усть-Илимской, Саяно-Шушенской ГЭС. Увиденное нашло отражение в его поэзии, в том числе в поэме «Сказание о том, как Падун влюбился в Ангару».

Поэма закончилась гимном Ангаре, дочери Байкала, и богатырю Енисею, которые служат людям: «Байкалын үрн — Ангара / байрта, жирһлтэ болв. / Күчтэ баатр Енисейтэ / күмн-эмтнд цергльв» [15, с. 73]. В русском переводе: «А та с Енисеичем счастье нашла / И стала с ним вместе народу служить» [15, с. 264].

В своем «Сказании...» М. Хонинов использовал традиционные для калмыцкой версификации средства: различные виды анафоры, рифмы, рифмовка, а также психологический параллелизм, метафору, сравнение, эпитеты и т. д. Анафора в тексте в основном парная, например: «**Һ**олын / **һ**алзу / **х**олас / **х**ооран», с аллитерацией на согласные звуки «**Һ**» и «**Х**», единоначатие в третьей и четвертой строках на слог «**хо**». Рифмовка чаще перекрестная, например: **уснь/болна / чинхнь/соңсгдна**. Рифма мужская, например: **адһад / Ангарá/ көһлдүлэд/урснá**. Поэт сравнил Падун-камень со степным верблюдом, с черной горой; Ангара краше луны и солнца, шум ее волны подобен грому; берега реки спят, как медведи, или дерутся, как бешеные быки; падающие камни величиной с верблюда. Прием олицетворения в наделении человеческими свойствами (любовь, ревность, соперничество, пение, печаль, плач), речью ангарских берегов, Падун-камня, Ангары, кроме Енисея, которому вначале отведена молчаливая пассивная роль. Метафоры в поэме, например: «Синеглазый Енисей» («Көк нүдтэ Енисей»), сибирская дочь Ангара («Сиврин күүкн Ангара»), Ангара — дочь Байкала («Ангара — Байкалын күүкн»). Автор использовал в поэме звукоподражания: падающие камни издают звуки «күрд, хард», которые не отражены в русском переводе. Эпитеты в поэме, например: красивые сосны («шавдһр хар харһас»), шумливые березы («шуугата цаһан хусмс»), серебристое пение жаворонка («цаһан мөңгн дууһан цадтлан торһа дуулна»).

Обращение к инонациональному фольклору позволило калмыцкому автору расширить творческое освоение им легенд, преданий, сказаний народов страны, актуализировав современный аспект — строительство гидроэлектростанций на сибирских реках, воспев созидательный союз человека и природы. Экологические проблемы при этом отошли в поэме на задний план, поскольку эпичность творческого потенциала людей прямо соотносилась автором с жанром сказания. Отсюда исторические анахронизмы поэмы: древние реки мечтают нести электрический свет людям, знают о «лампочке Ильича» (план ГОЭЛРО 1920 года).

Такой авторский эксперимент произведения являет сближение прошлого и настоящего, традиции и новаторство.

Литература

1. Бадмаев Ц.-Б. Дариман залу; Мана һазр сээхрнэ; Эркн күүкн; Эк // Хальмг үнн. 1966. Июнин 28. С. 3.
2. Бурькин А.А. Енисей и Ангара. К истории и этимологии гидронимов и изучению перспектив формирования географических представлений о бассейнах рек Южной Сибири // Новые исследования Тувы. 2011. № 2–3. С. 279–304.
3. «Жэргэмэлнүүд хаанашье адляар дууладаг» // Буряад үнэн. 1980. Июниин 14. X. 4.
4. Евтушенко Е. Стихотворения и поэмы. М.: АСТ, Астрель, Олимп, 2000. 672 с.
5. Твардовский А. Т. Книга лирики. М.: Сов. писатель, 1967. 416 с.
6. Твардовский А. Т. Стихотворения. Поэмы. М.: Дрофа, 2006. 398 с.
7. Ханинова Р. М. Калмыцкие мотивы в пьесе Ш.-Н. Цыденжапова «Жаворонки везде поют одинаково» // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 3. С. 81–88.
8. Хилтухин Д. Машинист Дугар // Хальмг үнн. 1957. Сентябрин 18. С. 3.
9. Хонинов М. Балерине Бурятии // Правда Бурятии. 1959а. 26 декабря. С. 3.
10. Хонинов М. Волго Мүрэнэй эрьедэ; Адуушанай дуун; Бамба сээгүүд // Буряад үнэн. 1969. Августин 10. X. 4.
11. Хонинов М. Золотые бурятские песни // Вечерняя Москва. 1959б. 28 нояб. С. 3.
12. Хонинов М. Искусство братского народа // Советская Калмыкия. 1959в. 17 дек. С. 3.
13. Хонинов М. В. Орлица: стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1981. 269 с.
14. Хонинов М. Спасибо братскому народу // Правда Бурятии. 1959д. 26 дек. С. 3.
15. Хоньна М. Баһ насн, ханжанав: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1981. 167 х.
16. Цыденжапов Ш.-Н. Жаворонки везде поют одинаково. М., 1980. 63 с.

THE POETICS OF «THE LEGEND HOW PADUN FELL IN LOVE WITH ANGARA» BY MICHAIL KHONINOV

Rimma M. Khaninova

candidate of Philology, associate professor, head of the department
of Russian and foreign literature, The Federal State Budgetary Institution
«Kalmyk State University named after B.V. Gorodovikov»
11 Pushkin St., Elista, 358000 Russia;
Senior Research Associate, Department of Mongolian Philology,
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.
8 Pishkina St., Elista, 358000 Russia
E-mail: rhaninova@mail.ru

There is regarded the poetics of the poem by Kalmyk poet Michail Khoninov «The Legend how Padun fell in love with Angara» (1970–1979). It is analyzed in the aspect of combination of folklore and industrial motives. The plot of the Buryat legend about the Angara and the Enisei's love is inverted in the poem as the author's interpretation of Padun's unrequited love to Angara. The use of modern aspect in the text is explained by the theme of HPP construction on the South Siberia's rivers, the eagerness of the Angara and the Enisei to be helpful to people, by the author's travel to Tyumen region in 1970. «The Legend...» consists of two parts, grouped by quatrains. The Kalmyk component of writing is oriented on the national system of verification, such artistic and visual means as anaphora, alliteration, assonance, epithet, metaphor, rhyme, cross rhyming, personification.

Keywords: legend; story; poem; Angara; Enisei; Padun-stone; Baikal; Michail Khoninov.